

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

DOI 10.32342/2523-4463-2017-0-14-6-11

УДК 82.09

С.А. ВАТЧЕНКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри зарубіжної літератури
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара*

«ДОЛГИЙ XVIII ВЕК»: ИСТОРИКИ ЛИТЕРАТУРЫ О НЮАНСАХ И ОТТЕНКАХ ПОНЯТИЯ

В статье предпринята попытка описания реалий современного литературоведения. Анализируется функционирование в проблемном поле науки таких концептов, как «культурный поворот», «долгий XVIII век». Констатируется состояние модернизации методологии гуманитарных наук в контексте постмодернистских интеллектуальных вызовов. Реферированы и обобщены ряд положений современных историко-литературных трудов универсального характера об особенностях литературного процесса в Англии XVIII ст. Подчеркивается продуктивность междисциплинарных ракурсов исследования, открывающих широкие возможности перед филологией.

Ключевые слова: интеллектуальная революция, постмодернистская культура, «культурный поворот», культурные исследования, междисциплинарность, «долгий XVIII век».

В 2005 г. в печати появился очередной том из серии Новой Кембриджской истории английской литературы, охватывающий объемный временной период от 1660 до 1780 гг. В роли редактора, координировавшего усилия известных в Европе и США специалистов (Д. Гриффин, У. Уорнер, У. Хантер, П. Бэкшайдер, М. Зайдел, К. Зизкин), попытавшихся реконструировать литературное и культурное прошлое Британии XVII–XVIII вв., выступил влиятельный Джон Ричетти, обратившийся с вступительным словом к читателю с тем, чтобы напомнить и прояснить характер кардинальных перемен, произошедших в гуманитарном знании [10].

Столетие пролегло между выпусками предыдущей и последней версий литературной истории Англии [5; 10]. Основу каждой составляют несхожие научные концепции. Ричетти полон восхищения перед глубоким, фундаментальным трудом своих предшественников, воспринимает его как выдающееся достижение, по сей день сохраняющее ценность для всех, кого интересуют судьбы словесности. Для него хроникальный цикл в двух книгах, соответственно озаглавленных «От Стила, Аддисона к Поупу и Свифту» (IX т.) и «Эпоха Джонсона» (X т.), выстроен согласно классическому канону дисциплины, предлагающему эпически объективное описание рождения и совершенствования художественных форм, открытий гениальных одиночек, возникновения массива текстов писателей второго ряда, уступающих по даровитости законодателям вкуса, однако соприкасающихся в эстетическом мышлении, вовлеченных в единый поток эволюционных преобразований [5].

В то же время бурные интеллектуальные революции ушедших десятилетий лишили монолитности современные академические сообщества, зародили сомнение в беспристрастности профессиональных историков, не свободных от нарративного искажения реалий и фактов [3; 4]. Ввергнутые в растерянность университетские ученые были вынуждены смириться с рыночными запросами постмодернистской культуры, отказавшейся от возвы-

шенных идей литературоцентризма, заменив его красочными языками медиа, и обратившейся к поиску иного, альтернативного взгляда на образы минувшей истории.

В последней трети XX ст. особую весомость в гуманитарных науках обретает осознание сдвига в духовном климате эпохи. Его назовут культурным поворотом («cultural turn»), оценят как сложное, многосоставное явление, зародившееся еще в 1920–30-е гг., затем оформившееся как узнаваемый прецедент в 1940–50-е, и ранняя стадия, а именно волна сомнений в позитивистских основах знания, будет именоваться лингвистической рефлексией по поводу надежд на возможность достижения истины (теории Витгенштейна, Гуссерля, Хайдеггера) [2].

Термин «поворот», предполагают, предложил американский философ Ричард Рорти, и, по его мнению, он указывал не на смену классического образа познания, а на преобразование, трансформацию, поиск новых ресурсных средств, его проблематизацию. Одновременно нарастал кризис концепции истории, ее эволюционистской аксиологической версии, завершившийся открытием нарративных механизмов организации исторического материала и допущением поэтологических основ его интерпретации [2–4].

Постмодернистская эпоха способствовала оправданию плодотворности нарастающего обновления научного поиска и оформлению протекающих процессов в некое единство, где само познание было уподоблено полифоничной мозаике дополняющих друг друга исследовательских усилий, лишенных единого центра, нацеленных на дестабилизацию и деконструкцию традиционного типа мышления. Происшедший переворот в гуманитарном знании не сводим к одной исследовательской ветви, а, напротив, тяготеет к смешению научных языков, междисциплинарному обогащению словаря и расширению набора аналитических процедур.

Современное понимание культурного поворота пока еще не устоялось, поэтому часто прибегают к полемичным, несовпадающим концепциям. Все же не вызывает сомнения постмодернистская природа явления, занимающего срединное положение между структурализмом и постструктурализмом, а также его открытость интегративным практикам критики культуры либо, используя более распространенную дефиницию, культурным исследованиям в их разноликих национальных версиях (французской, английской, американской), когда импульсом к реконструкции прошлого оказывается его альтернативное перетолкование, описывающее не ведущие тенденции истории, но те, которые прежде не изучались.

В Новой Кембриджской энциклопедии историко-литературная картина XVIII ст. объемна, заключена в более широкие темпоральные рамки, что связано с пересмотром принятой в классической истории периодизации хроникальной последовательности событий (1660–1780 гг.). Напомним, что альтернативные модели периодизации исторического времени актуализируются в науке во второй половине XX в. Одним из инициаторов проблематизации временных границ эпох выступает известный британский историк Эрик Хобсбаум (1917–2012), ставший «автором» концепций «долгого XIX века», названного «столетием крушения империй», и «короткого XX», израненного революциями, войнами, как полагают, ускорившего драматически неровное течение культурно-экономической интеграции, предвещающей в будущем появление цивилизации планетарной.

В 1985 г. Джонатан Кларк выступил с критикой утвердившегося в британской историографии либерального восприятия культуры XVIII ст., согласно которому жизнеспособность и совершенствование английской государственности обеспечивали конституционная традиция, правительство, избранное парламентом, верховенство закона, религиозная терпимость и свобода слова. Именно Кларк ввел в обиход дефиницию «долгий XVIII век» («long eighteenth century»), позже прижившуюся в академических кругах [6]. Оригинальность ревизионистской теории Кларка заключалась в том, что он настаивал на необходимости видеть и оценивать сложность преобразований, протекавших в упомянутом историческом интервале, не столько из перспективных тенденций обретения Британией могущества и статуса великой буржуазной державы в XIX ст., сколько убеждал учитывать консервативные институты и структуры, обеспечивающие обществу стабильность, единство, преемственность уклада, свойственные европейским странам XVIII ст., в особенности дореволюционной Франции, когда монархия, аристократия и церковь выполняли охранитель-

ные функции в процессе постепенного углубления социально-экономических перемен [1, с. 321].

К идее Кларка о «долгом XVIII веке» в истории Англии отнеслись заинтересованно, но неоднозначно. Его гипотеза привлекла смелостью разрушения сложившихся «закрытых моделей» движения европейской культуры, неожиданным, однако, оправданным вниманием к консервативным механизмам так называемого традиционного общества («ancien regime»), обеспечившим не только целостность и связность описываемого исследователем периода, но и смягчение «рассогласованности» между нарождающимися новыми и архаическими чертами социальных норм [6].

Полагают, что концепт «долгого XVIII века» обрел силу в благоприятном для себя духовном климате консерватизма, вновь востребованного в среде западных политиков и историков в 70–80-е гг. XX ст., опасавшихся кризисных последствий радикального обновления государственности и воспринимавших сохранение традиционных ценностей как условие выживания человечества. Пластическая конструкция «долгого XVIII века», последовавшего за потрясениями и гражданской смутой XVII ст., позволила «сшить» в единое историческое полотно и идущую им на смену эпоху торжества британской имперскости, позже возвеличенной викторианским культурным мифом.

Понятие «долгого XVIII века» упрочится в гуманитаристике, им будут оперировать и историки литературы, подчеркивая тесноту календарных рамок столетия, раздвигая границы периода, захватывая десятилетия близлежащих эпох [1; 6–10]. Пределы его окажутся подвижными, и нижний маркер соотнесут либо с началом эпохи Реставрации (1660 г.), либо со Славной революцией 1688 г., а верхний – спроецируют на последние десятилетия XVIII ст. – 1780(90) гг. или перенесут на три десятилетия вверх по календарной шкале, обозначив «исход» романтического движения – 1832 (1835 или 1837 гг.).

Литературоведы охотно используют концепт «долгого XVIII века» в своих трудах, начиная с 2000 г., нередко не оговаривая, не объясняя его понимание, лишь констатируя протяженность воссоздаваемого календарного этапа, однако иногда все же размышляют по поводу излишней подвижности его временных рамок [7–10]. Пенни Притчард, автор очерков «Долгий XVIII век. Литература 1660–1790-х гг.» (2010), во введении к книге замечает, что с каждым днем «долгое XVIII столетие» становится все более долгим, и возникают трудности размежевания тех стадий истории, в которых заметны изменения в культуре [9, с. 1]. Основной предположенной Пенни Притчард читателям литературной версии «долгого XVIII столетия» станут события национальной истории, способствовавшие объединению английского общества и постепенному проведению умеренных, не радикальных реформ, которые все же упорно продвигали страну к состоянию «модерности» [9, с. 3].

«Долгий XVIII век» открывается возведением на престол Чарльза II Стюарта, событием значительным, по мнению Притчард, так как Англия возвращает себе национальную по духу форму правления, совмещавшую монархическое право и выборный парламент [9, с. 2–3]. Историки рассматривают реставрацию королевской власти в 1660 г. как своеобразную кульминацию, завершающую время религиозного и гражданского противостояния и по-своему ставшую в будущем истоком национального примирения. Многие составляющие важны для осмысления картины «долгого XVIII столетия»: экономические, политические, социальные, литературно-эстетические, – но определяющее воздействие на духовное состояние эпохи оказывает религия. Она является почвой гражданской войны XVII ст., окрашивает Реставрацию 60-х гг. Английская церковь поддерживает становление науки и промышленную революцию начала XIX ст., а также конструирует национальную идентичность.

Историки культуры за временным отрезком от 1660 г. по 1790-е гг. закрепляют дефиницию раннего Нового времени («**Early Modern Period**»), когда **благодаря осязаемым экономическим подвижкам** улучшилось положение среднего класса, оживилось предпринимательство, торговля, был замечен рост городов, увеличение плотности населения страны. Пенни Притчард сердцевиной историко-культурного очерка делает лапидарную информацию о судьбах ведущих литературных форм эпохи: поэзии, драмы, сатиры, романа, – очерчивает пути их обновления художниками эпохи: Драйденом, Поупом, Свифтом, Дефо, Филдингом, женщинами-романистками. Интересует автора монографии и расширение пу-

бличной сферы Англии XVIII ст., механизмы гендерного обновления иерархии общества, а также стремительная социализация личности. Притчард выделит в отдельный раздел собственные рассуждения об эпохе Реставрации Стюартов, увидит в ней не только одну из ярких, памятных страниц истории культуры, но и опыт политического и духовного строительства нации [9, с. 2–4].

Один из создателей трехтомного путеводителя по английской литературе Роберт ДеМария в последней книге цикла (2014), посвященной «долгому XVIII столетию» 1660–1837 гг., предварит свое вступительное слово высказыванием Сэмюэла Джонсона, однажды заметившего, что литературная критика, будучи прославленной в веках трудами знаменитых мыслителей и философов, пока еще не достигла устойчивости и определенности, присущих подлинной науке [8, с. xxxi]. Обратившись к актуальным проблемам середины XX ст., ДеМария процитирует реплику раздосадованного Пола Фасселла о состоянии изучения литературы XVIII в., не свободного от заблуждений и ошибок. Фасселл допускает, что любой обладающий даром сатирика исследователь нашел бы здесь пространство для демонстрации собственного ремесла. И, несмотря на то, что ощутимы перемены в науке о XVIII ст., все же подлинный образ XVIII в. лишь обретает свои очертания, и каждый полемист-насмешник, по мнению ДеМарии, мог бы блестяще реализовать пожелание Фасселла [8, с. xxxi].

Если Притчард занимает недавно утвердившийся новый формат историко-культурного контекста XVIII ст., то ДеМария сосредоточится на метаморфозах современной науки о литературе. ДеМария вынужден признать, что упрощенные представления об эпохе XVIII в., к сожалению, не исчезли, а сохраняют свою жизнеспособность. Это касается пространного в прошлом положения о том, что английские писатели столетия следовали универсальной модели просветительства, которой свойственны вера в здравомыслие, науку, системность в осмыслении мира [8, с. xxxi–xxxii].

ДеМария настаивает, что необходимо учитывать нестабильность самого литературоведения, которое является объектом внимания подвижных исследовательских оптик, течений и школ, постоянно обогащается разноликим научным инструментарием. И не стоит забывать, что процесс изучения литературы XVIII ст. предстает как отражение отражений обилия научных концепций. ДеМария шутливо укажет, что XVIII в. богат сатирическими текстами, и на эпоху приходится своеобразный сатирический поворот в культуре Англии [8, с. xxxi]. Поэтому он риторически вопрошает, **допустимо ли верить в позитивное начало столетия, столь щедро снабдившего сатириков материалом для творчества, или же время, в которое жил Свифт, так же недоверчиво относится к идее прогресса, как и автор «Путешествий Гулливера»?** [8, с. xxxii]. Исследователь размышляет над стилиевой неоднородностью «долгого XVIII столетия». Он полагает, что в нем насильно и несколько условно соединены различные литературные этапы и имена. Единство «долгого XVIII столетия» – скорее искусственно, и «эпоху Драйдена» сменяют эпохи Поупа и Джонсона [8, с. xxxii].

Тем не менее ДеМария констатирует и углубление понимания ушедшей эпохи: «перезрело», описано и внове осмыслено творчество писателей-женщин, поэтов, драматургов, романисток. По-иному трактуется сама дефиниция литературы, которая не только соотносится теперь с миром вымысла и воображения, но включает в себя весь массив письменных текстов, как это имело место и в XVIII ст. Многосторонне и широко реконструирована история книги и книгопечатания. Прочный фундамент обретают библиографические изыскания. Приходит понимание идеи национальной идентичности и одновременно совершенствуются разнообразные многоликие литературные формы, позволяющие воплотить несовпадающий личный и гендерный житейский опыт. С удовлетворением ДеМария подчеркивает соединение литературоведческих исследовательских практик и социокультурных, понимаемых иначе, нежели в традиционной науке, и помогающих критику донести до читателя неожиданно свежее прочтение классики [8, с. xxxiii–xxxiv].

В 2015 г. редакторы «Энциклопедии британской литературы 1660–1789 гг.», известные исследователи Гэри Дэй и Джек Линч зададут вопрос себе и читательской аудитории о том, насколько сложившиеся в истории культуры дефиниции наиболее емко передают содержание эпохи перемен, смелых экспериментов, борьбы, с которой связывают рождение современного мира [7, с. xxv]. Они перечислят утвердившиеся в науке метафориче-

ские названия исторического феномена и обнаружат, что каждое из них – «Просвещение», «Августинское столетие», «Долгий XVIII век» – действительно, соответствует определенной культурной тенденции времени, соотносеного с возникновением публичного пространства, появлением национального самосознания, возвышением жанра романа, историком промышленной революции, отпадением американских колоний от Британии и созданием республики во Франции. Дэй и Линч выделяют в череде терминов, используемых для обозначения периода, один из наиболее распространенных – концепт «столетия Разума» («The Age of Reason») и подтверждают, что он, как и другие, не покрывает пестроту духовного климата эпохи, где сосуществуют и устремленность к новизне, и желание подавить инакомыслие, а читательские вкусы колеблются между изысканной поэтической формой и нагромождением в готическом тексте чудовищных несоответствий [7, с. xxv]. Дэй и Линч отнюдь не удивятся, когда Дональд Грин по-своему увидит образ XVIII ст., истолкует его как «век Изобилия» («The Age of Exuberance»), и подчеркнут, что едва ли возможно оспорить значение разума в деяниях человека, однако в постфрейдовскую эпоху вера в его освобождающую мощь оказывается наивной. Вспоминая «Диалектику Просвещения» (1944) Адорно и Хоркхаймера, литературоведы с горечью заметят, что со времен французского террора и имперсональной природы бюрократического государства разум скорее был формой доминирования, нежели инструментом Просвещения [7, с. xxv].

Литературные критики склоняются к мысли, что характерные свойства XVIII ст. как календарного отрезка в истории Англии во многом зависят от того, в какие временные рамки его «укладывают». Дэй и Линч используют в своих трудах идею «долгого XVIII века», концепта, утвердившегося в неоконсервативной традиции. Однако они придерживаются либеральных взглядов на ход человеческой истории и предпочитают реконструировать прошлое Британии, оперируя датами радикальных ломок и перемен, сожалея о том, что Американская и Французская революции XVIII в. не сумели воплотить свои идеалы и прибегли к насилию во имя достижения свободы [7, с. xxvi]. Именно Гэри Дэй и Джек Линч, не включая в свои исследования пространственных теоретических рефлексий, в собственной практике склоняются к интегративному объединению научных подходов, продуктивному преодолению литературоведческих клише и стереотипов, признавая плодотворность перспективы описания тем, предметов и текстов с помощью языков различных гуманитарных дисциплин. Литературоведам присуща вариативность решений, они не расставляют финальных акцентов, скорее смещают их, не завершают, но ожидают продолжения диалога.

Список использованных источников

1. Ананьева А. «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории / А. Ананьева // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. – М.: НЛО, 2013. – С. 319–328.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М.: НЛО, 2017. – 503 с.
3. Доманська Е. Історія та сучасна гуманітаристика / Е. Доманська. – К.: Ніка-Центр, 2012. – 264 с.
4. Наука и научность в исторической перспективе / под ред. Д. Александрова, М. Хангера. – СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. – 330 с.
5. The Cambridge History of English and American Literature: in 18 volumes / ed. by A.W. Ward, A.R. Waller. – N.-Y.: Putnam, 1907–1921. – Vol. IX. From Steele and Addison to Pope and Swift; Vol. X. The Age of Johnson. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/cambridge/> (последнее обращение 10.11.2017).
6. Clark J.C.D. English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime / J.C.D. Clark. – N.-Y.: Cambridge UP, 1985. – 439 p.
7. Day G. Introduction / G. Day, J. Lynch // The Encyclopedia of British Literature 1660–1789. – Oxford: Wiley Blackwell, 2015. – Vol. 3. – P. xxv–xxviii.
8. DeMaria R. Introduction to Long Eighteenth-Century Literature / R. DeMaria // A Companion to British Literature. Vol. 3. Long Eighteenth-Century Literature, 1660–1837 / ed. by R. DeMaria, H. Chang, S. Zacher. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. xxxi–xxxvii.

9. Pritchard P. The Long Eighteenth-Century Literature from 1660 to 1790 / P. Pritchard. – L.: York Press, 2010. – 373 p.
10. Richetti J. Introduction / J. Richetti // The Cambridge History of English Literature, 1660–1780 / ed. by J. Richetti. – Cambridge: Cambridge UP, 2005. – P. 1–9.

References

1. Anan'eva, A. "Dolgij xviii vek": *harakternye cherty periodizacii vne kalendarnoj hronologii i primenenie koncepta k rossijskoj istorii* ["Long Eighteenth-Century": Characteristic Traits of Periodization Beyond the Calendar Chronology and the Application of the Concept to the Russian History]. *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope xix stoletiya* [The Invention of the Century. Problems and Models of Time in Russia and Europe of the 19th Century]. Moscow, NLO Publ., 2013, pp. 319-328.
2. Bachmann-Medick, D. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v nauках o culture* [Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften]. Moscow, NLO Publ., 2017, 503 p.
3. Domanska, E. *Istoriya ta suchasna gumanitaristika* [History and Modern Humanities]. Kiev, Nika-Centre Publ., 2012, 264 p.
4. Aleksandrov, M., Hanger, M. (ed.) *Nauka i nauchnost' v istoricheskoj perspective* [Science and Scientific Development in Historical Perspective]. Saint Petersburg, Saint Petersburg European University; Aletejya Publ., 2007, 330 p.
5. Ward, A.W., Waller, A.R. (ed.) The Cambridge History of English and American Literature: in 18 volumes, (1907-1921). N.-Y., Putnam, Vol. IX. From Steele and Addison to Pope and Swift, Vol. X. The Age of Johnson. Available at: <http://www.bartleby.com/cambridge/> (Accessed 10 November 2017).
6. Clark, J.C.D. *English Society 1688-1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime*. N.-Y., Cambridge UP, 1985, 439 p.
7. Day, G., Lynch, J. Introduction. In: *The Encyclopedia of British Literature 1660-1789*. Oxford, Wiley Blackwell, 2015, vol. 3, pp. xxv–xxviii.
8. DeMaria, R. Introduction to Long Eighteenth-Century Literature. In: *A Companion to British Literature*. Vol. 3. Long Eighteenth-Century Literature, 1660-1837, ed. by R. DeMaria, H. Chang, S. Zacher. Oxford, Wiley Blackwell, 2014, pp. xxxi–xxxvii.
9. Pritchard, P. *The Long Eighteenth-Century Literature from 1660 to 1790*. London, York Press, 2010, 373 p.
10. Richetti, J. Introduction. In: *The Cambridge History of English Literature, 1660–1780*. Cambridge, Cambridge UP, 2005, 2005, pp. 1-9.

У статті здійснено спробу описання реалій сучасного літературознавства. Проаналізовано функціонування у проблемному полі науки таких концептів, як «культурний поворот», «довге XVIII століття». Констатується стан модернізації методології гуманітарних наук у контексті постмодерністських інтелектуальних викликів. Узагальнено ряд положень сучасних історико-літературних праць універсального характеру про особливості літературного процесу в Англії XVIII ст. Підкреслено продуктивність міждисциплінарних ракурсів дослідження, що відкривають широкі можливості перед філологією.

Ключові слова: інтелектуальна революція, постмодерністська культура, «культурний поворот», культурні дослідження, міждисциплінарність, «довге XVIII століття».

The attempt to describe the characteristics of modern literary criticism is proposed. The functioning of such concepts as "Cultural Turn", "the Long Eighteenth Century" in Humanities is analyzed. The modernization of the methodology of literary science in the context of Postmodern intellectual challenges is stated. The range of approaches of contemporary historical and literary works concerning the peculiarities of English literary process of the 18th century are viewed and systemized. The productivity of interdisciplinary perspectives of philology is emphasized.

Key words: intellectual revolution, Postmodern Culture, "Cultural Turn", cultural studies, interdisciplinary approach, "The Long Eighteenth Century".

Одержано 25.10.2017